

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕФОРМА КИМ ЁНСАМА И ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ ЮЖНОЙ КОРЕИ

Игорь Анатольевич ТОЛСТОКУЛАКОВ,
кандидат исторических наук

Реализация демократических реформ в Южной Корее началась с середины 1987 г. и завершилась конституционной реформой и провозглашением VI Республики в феврале 1988 г., когда полномочия главы государства были переданы отставному генералу Ро Дэу. Его вклад в становление молодой южнокорейской демократии неоспорим, в то же время не следует забывать, что Ро Дэу долгие годы входил в военную элиту, имел тесные личные связи с бывшим военным диктатором Чон Духваном и, по большому счету, стал его официальным преемником, покинув один из высших военных постов с целью создания видимости гражданского правления. В результате президентских выборов в декабре 1992 г. внутривластная ситуация в Южной Корее существенно изменилась, с этого момента руководство процессом демократизации перешло в руки подлинно гражданской администрации, возглавил которую новый президент страны Ким Ёнсам.

Ким Ёнсам примкнул к правящему лагерю ещё в январе 1990 г., когда на основе слияния трёх ведущих политических сил страны была создана либерально-демократическая партия (ЛДП, *Минджу чаюдань*), призванная обеспечить преемственность власти на президентских выборах (по примеру 1987 г.)

Южнокорейская военная элита, несмотря на стремительную демократизацию страны, сохраняла большинство привилегий и возможность влиять на внутривластный процесс. Такое её положение в период 1988—1992 гг. обеспечивалось администрацией Ро Дэу, но президентские выборы 1992 г. могли существенно повлиять на ситуацию. Руководство вооружённых сил и глава государства осознавали необходимость новых уловок для поддержания статуса, обеспечивавшего влияние армии на жизнь Южной Кореи.

Таким шагом и стало создание ЛДП, позднее выдвинувшей в качестве официального кандидата на пост главы государства от правящей партии одного из её основателей — Ким Ёнсама. Участие одного из ведущих лидеров оппозиционного движения Южной Кореи в создании *Минджу чаюдань* и его последующее выдвижение было в достаточной степени рискованным поступком, но на фоне нараставшего раскола демократических сил оно выглядело единственно возможным для Ким Ёнсама средством победить на президентских выборах 1992 г. Многие его соратники по демократической партии за воссоединение (ДПВ, *Тхонгыль минджудань*) и тем более оппоненты из другого лагеря оппозиции обвинили Ким Ёнсама в отказе от демократического курса и в том, что личные амбиции заставили его стать на путь соглашательства с поставторитарными властями.

Сегодня мы имеем возможность дать иную оценку этому политическому маневру Ким Ёнсама. Прежде всего следует отметить бесспорный прагматизм данного поступка, поскольку он действительно открыл Ким Ёнсаму путь

к президентской власти и изолировал его давнего конкурента за лидерство в демократическом лагере — Ким Тэджуна как более бескомпромиссного оппозиционера. Готовый к компромиссам, в том числе и с бывшими противниками из поставторитарных кругов, Ким Ёнсам оказался более востребованным на внутривнутриполитической арене и достиг своей цели, став главой южнокорейского государства.

Такой успех Ким Ёнсама во многом был предопределен не только широкой поддержкой южнокорейского общества, но и готовностью искать компромисс с бывшим военным руководством страны, опасавшимся за свою судьбу в связи с предстоявшим уходом президента Ро Дэу.

Мы уже отметили, что гражданский характер администрации Ро Дэу 1988—1992 гг. был весьма условным. Именно в декабре 1992 г. гражданам Республики Корея предстояло избрать подлинно гражданского президента, что означало переход на качественно новый этап политической реформы. За несколько лет до этого подобную проблему решали правящие круги некоторых латиноамериканских стран — Чили, Аргентины, Уругвая. Их армейское руководство, связанное с десятилетиями военной диктатуры, обеспечило переход власти к лояльным гражданским кругам, что позволило и до сих пор (например, в Чили) позволять уйти от ответственности за многочисленные преступления и коррупцию. Несомненно, что военная верхушка Южной Кореи избрала именно этот путь для обеспечения собственного благополучия, заблаговременно сделав ставку на Ким Ёнсама.

Попытаемся ответить на вопрос, оправдались ли надежды южнокорейской военной элиты, связанной с авторитарным прошлым страны, стал ли Ким Ёнсам её орудием и почему он решился на этот достаточно рискованный шаг?

РОЛЬ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

В результате создания южнокорейского государства в годы, предшествовавшие Корейской войне 1950—1953 гг., были заложены некоторые предпосылки для начала социально-экономической и политической модернизации. Это прежде всего создание государственного сектора экономики, ликвидация помещичьего землевладения в ходе аграрной реформы и создание широкой прослойки мелких земельных собственников. Такие действия администрации Ли Сынмана не только стимулировали формирование рыночных основ экономики, но и надолго превратили крестьянство и средних собственников в социальную опору режима.

Однако реализация модернизационного плана была прервана войной, ставшей серьёзным испытанием новых экономических и конституционных норм молодого южнокорейского государства. В условиях чрезвычайного военного положения были значительно урезаны полномочия гражданской администрации, наблюдалось сужение демократической правовой базы.

Вооруженное столкновение двух корейских государств катастрофическим образом сказалось на развитии политической модернизации в Республике Корея. Война и последовавший за ней длительный период конфронтации культивировали в южнокорейском обществе благоприятный фон для дальнейшего упрочения военно-государственного механизма, отстаивали необходимость отказаться от некоторых элементов демократии и «...не способствовали утверждению на Юге демократических ценностей и институтов»¹.

В военные годы, когда властные полномочия концентрировались в руках президента Ли Сынмана, проблемы корейской демократии перестали быть одним из политических приоритетов: основные усилия власти сосредоточились на скорейшем объединении страны путем окончательного разгрома КНДР. Эта цель была недостижима без создания сильного южнокорейского государства, непременным условием которого явилась бы сильная личная власть президента, опиравшегося на военные круги. В таких условиях в стране возобно-

дала идеология, по сути своей отрицавшая демократические идеалы и направленная на воспроизводство основ традиционной политической системы. Авторитарная организация южнокорейского общества, консолидация его потенциала вокруг главы государства максимально соответствовали интересам силовых структур и органов госбезопасности, придавали особое значение участию армии в политической жизни страны.

Идея сильного национального государства была характерна для корейцев на самых ранних этапах формирования государственности. Важную роль в становлении политической культуры авторитарного типа играла необходимость консолидировать усилия всех слоёв общества для отражения постоянно сохранявшейся угрозы со стороны соседних народов: китайцев, японцев, маньчжурских племен. Идея национальной идентичности корейцев была напрямую связана и с борьбой за гегемонию на Корейском полуострове, часто носившей вооруженный характер.

В соответствии с традицией укрепление государства всегда было первостепенной задачей политического, военного и экономического строительства в Республике Корея. Нарастание авторитарных тенденций на фоне ухудшающегося экономического положения и социально-политического хаоса на рубеже 1950—1960-х годов вызвали падение I и II Республик и стимулировали вооруженные силы к активным действиям, в результате которых в ночь с 15 на 16 мая 1961 г. они пришли к власти. Так начался четвертьвековой период авторитарного военно-бюрократического режима. Переход власти к военным кругам не был случайным событием. Практика вмешательства вооруженных сил в дела государства имела прецеденты в историческом прошлом страны*. Конфуцианский мир всегда признавал особое положение военных, поскольку от них зависело исполнение важнейшей функции государства — защиты национальной территории**.

С начала 1960-х годов роль армии в политической жизни страны неуклонно повышалась. Внутренняя нестабильность общества и ослабление Южной Кореи, по мнению военных лидеров, могли вызвать «соблазн северокорейского режима повторить попытку объединения полуострова силой»².

Важнейшая особенность авторитарного государства заключается в сохранении изначально присущих ему административно-хозяйственных, исполнительных, оборонных и репрессивных учреждений, основные функции которых сводятся к ограничению личных свобод граждан и подавлению большинства демократических тенденций в обществе. Данная политика направлена на максимальную мобилизацию людских и материальных ресурсов, обеспечение общественного порядка, защиту внутренних и внешних интересов государства. Кроме всего прочего, для авторитарного государства в его южнокорейском варианте огромное значение имело установление «четкой последовательности общественно-политических и социальных приоритетов»³.

*Примером могут служить события последнего десятилетия XIV в., когда вмешательство военных предопределило переход власти в руки династии Ли, основоположник которой Ли Сонге являлся одним из высших военных чинов государства Корё.

**Китайский иероглиф *го* (в корейском языке *кук*), означающий «государство», состоит из трех элементов, передающих такое отношение: крепостная стена, находящиеся внутри нее люди и оружие. С самых ранних этапов существования государство включает в себя и военно-оборонный компонент. Феодалное государство в Корее традиционно вовлекалось в войны за гегемонию на полуострове и для отражения внешних вторжений. На этой основе сложилась раннефеодалная воинская культура *хваран*, относящиеся к ней воины в отличие от японского самурайства служили интересам всего государства, а не отдельных правителей-феодалов (об этом подробнее см.: Tikhonov V. Hwarang Organization: Its Functions and Ethics // Korea Journal. Summer 1998. № 38, Vol. 2. P. 318—338). Гражданские и военные чиновники при династии Ли имели равное положение в обществе. В отличие от Китая корейские военные не утратили своих позиций при королевском дворе с приходом в страну неоконфуцианской доктрины, оказавшей решающее влияние на интеллектуальные слои общества в XVI—XVII вв. Все же, столкнувшись с экспансией Японской империи, корейский народ не сумел противостоять ее натиску и утратил национальную независимость в период 1910—1945 гг.

В данном контексте на первый план выступала именно «силовая» роль государства, которую западные исследователи проблем авторитаризма *Д. Руешемайер* и *П. Эванс* сформулировали следующим образом: «...государство есть совокупность властных органов и институтов, облеченных полномочиями принимать решения, обязательные для всех других организаций и граждан, находящихся в зоне их юрисдикции и территории, и проводить эти решения в жизнь, применяя в случае необходимости силовые методы»⁴.

Вместе с тем новый режим основывался на привычных для корейцев нормах государственного и общественного управления, он означал восстановление традиционных структур и порядков, аналоги которых прослеживаются в истории феодальной и колониальной Кореи. Военные круги оказались способными целенаправленно управлять экономическими, социальными и политическими процессами в посттрадиционном обществе. Реализовав принципиальную установку на создание сильной государственной власти, Пак Чжонхи приступил к активной модернизации страны, начав её с экономической сферы. «Авторитарный режим, поддержанный эффективной бюрократией, оказался движущей силой исключительного экономического роста Кореи»⁵.

Помогали военным властям и традиционные начала общества: уважительное отношение к власти, привычка к патронимии, корпоративный дух и дисциплинированность корейцев, способствовавшие успешному воплощению курса на экономическую модернизацию. Конфуцианская политическая традиция долгое время не позволяла демократическим представлениям укорениться в сознании корейского общества. В то же время отдельные базовые нормы конфуцианской морали — трудолюбие, бережливость, прилежание, преданность и чувство долга, умеренность и экономность — обнаруживали сходство с элементами протестантской этики, игравшей важную роль в формировании капиталистического духа предпринимательства. Хозяйство и духовная сфера корейцев оказались более восприимчивыми к идеям экономической модернизации, чем по отношению к политической её ипостаси, в частности, к созданию демократической государственности. Сочетание жесткого государственного управления, чёткой хозяйственной программы и соответствие экономической модернизации традициям и интересам корейского народа предопределили бурное развитие экономики в авторитарный период, связанный с правлением военной элиты.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕФОРМА И ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ

В 1990-х годах стало очевидным, что дальнейшая судьба южнокорейской демократии во многом зависит от того, сумеет ли политическая власть в стране освободиться от влияния военной элиты. Эту проблему блестяще сумел решить Ким Ёнсам.

Путь к президентскому креслу открылся Ким Ёнсаму только благодаря его стратегическому чутью, позволившему решиться на вхождение в состав южнокорейской властной элиты, которая окончательно не порвала с авторитарным прошлым. Ведущие фигуры южнокорейского истеблишмента пошли на сотрудничество с Кимом в надежде сохранить своё влияние на дальнейшей стадии демократических преобразований, а ему для победы нужны надежный административный ресурс и финансовая поддержка, оказать которую могли лишь представители руководства, группировавшиеся вокруг Ро Дэу⁶.

Первоначально президент Ким Ёнсам пытался оправдать надежды своих новых союзников, однако перед ним стояли и задачи демократического характера. Следовало окончательно урегулировать отношения гражданской администрации и вооруженных сил, длительное время контролировавших государственную политику. Как давнему участнику антиправительственной оппозиции, ему сложно было рассчитывать на признание военных. Однако продолжение демократических реформ было невозможно без полного контроля над армией и устранения угрозы её вмешательства в политику с целью возврата к авторитарному прошлому.

Ким Ёнсам объявил курс *синхангук*, направленный на строительство «новой Кореи» и исправление так называемой «корейской болезни»⁷, под которой он понимал не только коррупцию, но наиболее широко распространенные в Корее проблемы политического и социально-психологического характера, в том числе авторитарное наследие, связанное с засильем военных⁸.

Успех мероприятий нового президента во многом зависел от того, насколько быстро и последовательно воплощалась в жизнь программа реформирования. Ким Ёнсам в качестве своей тактической линии выбрал комбинацию молниеносных, подготовленных в секретной обстановке шагов и заблаговременно объявленных, широко разрекламированных и принятых обществом мероприятий. Примером первых могут служить его указы по борьбе с коррупцией, запрет на участие военных в политической жизни страны, неожиданная перестройка структуры органов безопасности. Второй тип мероприятий — введение нового избирательного законодательства, экономический блок реформ и т.д. Такая комбинация была наиболее оправданной, поскольку жизнь южнокорейского общества во многом ещё определялась авторитарными пережитками в социально-экономической и политической сферах.

В ходе кампании по оздоровлению общества и установлению «чистой» власти Ким Ёнсам затронул самую серьёзную и организованную силу в стране — военных и органы госбезопасности. В первый год деятельности администрации Ким Ёнсама поставила задачу коренной реорганизации вооруженных сил, разведывательного ведомства с целью не допустить их вмешательства в политику и процесс демократизации. Вначале он сделал всё для устранения из политической жизни представителей полуконспиративной организации высшего офицерства *Ханахве*, которая облегчила путь к власти Чон Духвану и Ро Дэу. Кадровая политика в армии нанесла ощутимый удар по военной аристократии и генералитету, связанным с авторитарным прошлым.

На протяжении 1993—1994 гг. представителей старого поколения с почетом провожали на пенсию или вынуждали уйти в отставку из вооруженных сил, разведывательных органов и учреждений юстиции, носивших полувоенный характер. Чистка военного аппарата проходила не так гладко, как в случае с гражданскими служащими. Выдвинувшееся при авторитарном режиме высшее военное чиновничество не желало расставаться с командными постами, властью и привилегиями. Увольнение нескольких старших офицеров из вооруженных сил под предлогом их тесной связи с диктатурой прошлых лет вызвало скрытое сопротивление со стороны армейских кругов. Ким Ёнсаму пришлось действовать осторожней, заботиться о лояльности офицерского корпуса, прежде всего его среднего звена. По отношению к генералитету Ким Ёнсам избрал политику «кнута и пряника» — безжалостное избавление от наиболее одиозных фигур сочеталось с увеличением расходов на вооружение и содержание армии⁹, модернизацией ВС. Военная элита сохраняла влияние на власть, правда сфера её компетенции значительно сузилась из-за невозможности прямого вмешательства в политический процесс. Чтобы обеспечить лояльность военных кругов, президент назначал на освободившиеся в ходе чистки армии посты своих земляков из провинции Южный Кёнсан и г. Тэгу.

Необходимо было также покончить с должностными преступлениями в армейской среде, ставшими привычной чертой авторитарного режима. На тему коррупции в вооруженных силах долгое время было наложено табу для журналистов и деятелей юстиции, теперь же она стала важным центром приложения реформаторских сил. Опираясь на конституцию, президент сумел законодательно обеспечить прочный контроль над всеми государственными и армейскими структурами как со стороны парламента, так и со стороны исполнительной власти. Под его настойчивым давлением и при широкой поддержке общественности и СМИ многие высокопоставленные государственные и военные служащие, замешанные в преступлениях против народа, репрессиях или запятнавшие себя взяточничеством и коррупцией, были вынуждены уйти в отставку, на пенсию или привлечены к судебной ответственности.

Реформа вскрыла коррупцию в вооруженных силах страны, в центре общественного внимания оказались такие ранее тщательно скрывавшиеся явления, как подкуп командного состава в целях продвижения по службе, нарушения при закупках необходимых армии материалов и продовольствия. В результате несколько высокопоставленных офицеров лишились своих должностей. Разразились громкие скандалы, связанные с взяточничеством и вымогательством в армейских кругах, ряд старших офицеров были удалены из вооруженных сил. Были предъявлены судебные иски лицам, получившим в своё время юридический иммунитет, многие из них понесли заслуженное и отменённое ранее наказание. За три месяца после инаугурации Ким Ёнсама через демократическое «чистилище» прошли более тысячи высших руководителей армии и госучреждений¹⁰.

Ярых приверженцев авторитаризма вытесняли и из органов государственной безопасности, однако здесь администрация Ким Ёнсама проявила максимальную осторожность и деликатность: построение нового политического порядка не означало отказа от традиционной конфронтации с КНДР. Антагонизм с северокорейским режимом защитил кадровый состав Бюро планирования национальной безопасности от существенной перетряски. Сохранен был и Закон о национальной безопасности, служивший барьером на пути инакомыслия, забастовочного и диссидентского движения, для несанкционированных контактов с КНДР и её гражданами. Многие проблемы Республики Корея, в том числе длительный эволюционный характер её политической модернизации, в какой-то мере объясняются данным законодательным актом.

Несмотря на сложное течение армейской реформы, президенту удалось существенно реформировать вооруженные силы и органы национальной безопасности, удалив из них наиболее одиозные политизированные фигуры. Усилиями Ким Ёнсама был положен конец постоянному вмешательству военных в политическую жизнь Кореи, а органы госбезопасности вынуждены были ограничить сферу своей деятельности проблемами национальной безопасности, глава государства прилагал усилия по деполитизации армии и правительственной бюрократии. В целом реорганизация органов национальной безопасности и вооруженных сил весной—летом 1993 г. лишила их той серьезной роли, которую разведслужбы и армия всегда играли во внутренней политике, и направила их деятельность только на решение вопросов государственной безопасности.

¹ Мазуров В.М. Республика Корея: проблемы и противоречия современного политического развития // Корея на рубеже веков. М., 2002. С. 15.

² Пак Чжонъхи. Пак Чжонъ Хи тэтхонънёнъ ёнсьольмунджип. Чёук чип. 1969. 01—12 (Собр. соч. и речей президента Пак Чжонъхи. Т. 6: Январь — декабрь 1969 г.). Сеул, 1969. С. 124.

³ Там же. С. 208.

⁴ Rueschemeyer D., Evans P. The State and Economic Transformation: Toward an Analysis of the Conditions Underlying Effective Intervention // Bringing the State Back in. Cambridge, 1985. P. 9.

⁵ Канъ Мин. Хангук чончи куджиэ квоннёнъ куджоджок тэсон (Структура политической системы Кореи в контексте бюрократического авторитаризма) // Хангук чончихакхвебо (Сб. материалов Корейской ассоциации политических наук). Сеул, 1989. Т. 23. № 2. С. 42.

⁶ Буквально через несколько месяцев после выборов 1992 г. парламентская оппозиция Ким Ёнсаму инициировала разбирательство финансовых нарушений в ходе его предвыборной кампании, обвинив президента в использовании более 1 млрд дол. из средств ЛДП на избирательные нужды, что значительно превышало установленные южнокорейским законодательством пределы (Asiaweek. 1995. № 48. P. 39.).

⁷ Ким Ёнсам. Нэга тэтхонънёнъни твендамён: Канънёнъхан чагын чонъбу (Если я стану президентом: Небольшое, но мощное правительство) // Синтонъа. 1992. Июнь. С. 141.

⁸ Подробнее см.: Толстокулаков И.А. Развитие демократического процесса в Южной Корее в период VI Республики. Владивосток, 2003. С. 177—180.

⁹ Гражданское правительство Ким Ёнсама, как бы парадоксально это ни выглядело, начиная с 1994 г. неуклонно увеличивало оборонный бюджет в среднем на 10%, изыскивая дополнительные финансы за счет замораживания, а в отдельных случаях — свертывания социальных программ (Хан Чхольхо. Чхинми кэхвапа ёнгу (Исследование проамериканского содержания процесса модернизации). Сеул, 1998. С. 208.).

¹⁰ Lee Chong-sik, Sohn Hyuk-sang. South Korea in 1993: The Year of the Great Reform // Asian Survey. 1994. January. Vol. 34. № 1. P. 3.

SUMMARY. “President Kim Youngsam’s Political Reforms and South Korean Military Circles” is the title of the article by Candidate of Historical Sciences I. Tolstokulakov. South Korean democratization has been depended on Armed Forces participation in political life, the militarian managed economic, social and political processes of the post-traditional Korean society. Till the beginning of 1990s the military elite led by the former general president Roh Taewoo kept privileged positions and determined political process, but 1992 presidential elections have changed the situation. President Kim Youngsam excellently solved of free from military elite’s influence during a new stage of democratization in 1993—1994. President has established the control on Army, removed threat of its intervention in politics. The success of measures depends on a fast and constructive embodiment of the democratic transformation program. Kim Youngsam has carried out a number of steps, prepared in a secret: anticorruption decrees, interdiction on Army participation in political life, reorganization of state security bodies. Such tactics was most justified for conditions of the 1990s. The reorganization of state security bodies and Armed forces has deprived their traditional political role and directed activity extremely on decision of state security tasks.